Розовый костёр

Дневник армянских похождений между весной и летом 2019 года

Н. Тихомиров

Крашен (28–29 мая)

С юго-запада Москвы во Внуково уже можно ездить, как к себе домой — ветки метро подбираются к аэропорту всё ближе. На лётном поле 28 мая, и погода уверенно берёт эту высокую планку. Полина, смуглая после сбора материала в Волгоградской области, вполне ей соответствует, а вот мне укрепление УФ-толерантности не помешает — надеюсь, неделя сбора целевых видов растений в Армении позволит мне спокойно перенести предстоящий месяц летней зональной практики в Черноземье.

Мы ожидаем посадки на борт до Гюмри, и сразу становится ясно, что это совсем не то же самое, что лететь в какой-нибудь Ереван: подавляющее большинство будущих пассажиров — армяне. Автобус до трапа смиренно ожидал опаздывающих, и возмущённый этим обстоятельством мальчик Арсен лет шести клятвенно заверял маму, что он сейчас тут всё разгромит, если её не проводят немедленно до места.

Рассадка по креслам тоже проходила довольно суматошно, чему в немалой степени способствовала манера «Победы» разносить в пространстве бесплатные места, купленные одновременно. После череды сложных рокировок я оказался в значительном выигрыше, поскольку попал к окну в эту бескомпромиссно ясную погоду. Кому-то повезло сильно меньше: три сиденья передо мной, например, пришлось занять крупному армянину, его пышной жене — и ещё одному грузному русскому! Никто из них не был безобразно толст, но из-за кумулятивного эффекта им было точно не до вида из окна. Бедный русский всю дорогу просидел, с глуповатой улыбкой сложив руки на спинку кресла перед собой.

К счастью для него, путь до Гюмри недолгий — но что это за путь! Прикидывая широту по времени полёта, можно было разглядеть крупные Цимлянское и Пролетарское водохранилища, пески в зоне разгрузки талых ледниковых вод на террасах древнего Дона. Большой Кавказ к вечеру скрылся под облачностью, но, уже готовясь к посадке, мы всё-таки смогли посмотреть и закат.

Аэропорт в Гюмри по городским меркам крошечный, в нём едва смогут разминуться пассажиры двух крупных самолётов. Паспортный контроль не ограничился привычной процедурой из-за азербайджанского штампа, повлёкшего дополнительные вопросы. Впрочем, паспортистку вполне устроили наши ответы о том, что нас никто не встречает и что мы идём в горы с палаткой.

К нашему выходу на улицу уже совсем стемнело, так что мы, не особо прицениваясь, взяли за рубли такси до Крашена (мы знали, что там есть нужное

нам растение, щучка дернистая). Но обменять рубли вполне можно было и в аэропорту — курс армянского драма в городе почти не отличался.

После недолгой поездки по шоссе, а затем по дороге без покрытия десантировались посреди деревни. Время не позднее, но движения нигде нет, лишь горят в густой темноте отдельные маленькие окошки в каменных стенах — должно быть, здесь встают с рассветом. Мы пошли на северо-восток, в «нашу» долину, где неподалёку должен был быть и родник.

Вскоре мы нашли удовлетворившую нас площадку — дрова в виде старых сосновых посадок, относительно ровное место для палатки, кристально чистая, хоть и с коровьими следами вокруг, вода. Ветер, дувший в эту ясную звёздную ночь в полном соответствии с принципами горно-долинной циркуляции, заставил нас одеться потеплее, а когда мы попили чай и легли спать, потрёпывал тент палатки.

Удовлетворившие нас виды окрестностей пос. Крашен

Пробуждение после переходов и переездов в темноте всегда преподносит сюрпризы насчёт облика местности, в которой ты оказался. Так и сейчас, выйдя из палатки, я вполне разделил удовлетворение от вида просторов Ширакской равнины на юго-западе и нашей долинки, покрытой фиолетовыми шарами каких-то астрагалов, которое, должно быть, испытывала и Полина. На часах 8 утра, и солнце как раз заглянуло и к нам — мы счастливо избежали запекания в палатке.

После завтрака явились и недостатки нашего расположения. Сначала из деревни приехали жигули, с которых десантировалась женщина, тут же начавшая деловито что-то собирать на сыпучих склонах. Может, тимьян? Нас она, надо думать, заметила, но виду подавать не стала. Потом, вполне ожидаемо, пришли и коровы — мы как раз успели поесть и закинуть рюкзаки на нижние ветви деревьев, подальше от опасных копыт. Пора на экскурсию! Стоило нам залезть на левый борт долины, как внизу, у ручья, сомкнулась небольшая стена из коров.

Изучаем растения под ногами: щучка вроде есть, но пока уверенно сказать нельзя, нужно найти остатки прошлогодних соцветий. Выйдя на гребень — отрог Ширакского хребта — находим прострел и спирею, которые тоже отправляются в букет для последующей гербаризации. На локальной вершинке — часовенка из чёрного вулканического камня, видимо, привозного, и того же материала хачкар (дословно «каменный крест», характерная для Армении форма памятника). Здесь явно часто бывают: в часовенке убрано, перед иконами свежие приношения.

Подумав, что выше в горы вопрос с щучкой вряд ли прояснится, стали спускаться. Тюльпаны, до сих пор попадавшиеся отдельными красными пятнышками, здесь предстали перед нами во всей красе, местами образуя достаточно густые «клумбы». Мы встретили поднимавшуюся по долине «сборщицу тимьяна»; выяснилось, что на самом деле она собирает зонтичное растение с жёлтыми цветками, которое в фармакопее указано как сырьё для лекарства от диабета. Мы тоже на всякий случай взяли одно растение с собой — было подозрение, что это нужный нашему венгерскому коллеге вид.

Тюльпаны на отроге Ширакского хребта

Последняя остановка перед возвращением к рюкзакам — у родника, дающего начало ручью, который протекает мимо нашей палатки. Принцессам, изображённым на моей кружке, явно не терпелось вкусить воды из сердца земли, и мы разделили с ними это удовольствие. Тем более что утро уже переходило в день, и южное солнце хоть и в меру, но давало о себе знать. На берегу русла сезонного потока всё-таки нашёлся злак с сухим соцветием, не оставивший

сомнений насчёт того, что мы собрали здесь именно щучку. Значит, крашенская программа выполнена.

Вокруг рюкзаков наметилось относительное затишье, и мы были достаточно храбры, чтобы расположиться перекусить прямо у них. Естественно, вся коровья братия стала с любопытством подбираться поближе. Чтобы быть спокойным за эти минуты отдыха, я вышел из тени сосен, встал перед ними и, как с трибуны, вкратце обрисовал наше местоположение и позицию по вопросу личного пространства. Коровы вняли и остались наблюдать со стороны.

Поев и собрав вещи, переместились на шоссе, обойдя Крашен с северо-востока. Автомобилисты в Армении благоволят путешественникам, и наше недолгое ожидание было щедро вознаграждено. Нас подобрали отец с сыном, направлявшиеся по шоссе в восточную часть страны. Как и все последующие благодетели, они расхваливали свои родные места и уверяли нас, что именно там мы должны побывать в первую очередь. Но наша следующая цель была вполне определённой благодаря предварительному просмотру гербарных сборов, и мы уверенно к ней приближались.

Спитакский перевал (29 мая)

Мы слишком сконцентрировались на том, чтобы не упомянуть в разговоре с водителем нашу поездку в Азербайджан, и проехали самый удобный отворот на Спитак (он не совпадает с самой большой автомобильной дорогой). Поощрительным призом была прогулка по красивому городку, практически заново отстроенному после Спитакского землетрясения 1988 года. Теперь, как и прежде, над малоэтажными каменными домами в центре города возвышается здание церкви.

К югу от Спитака, по пути к перевалу со щучкой, расположена деревня Лернанцк, так что ещё несколько километров пути в гору мы не прошли, а проехали на попутке. Наш новый бенефактор упорно зазывал нас на «кофе-мофе», но мы не менее упорно отказывались, наверное, к радости его супруги, ютившейся с парой ребятишек на половинке заднего сиденья. Уж, наверное, поддайся мы хлебосольству отца семейства, обслуживать гостей пришлось бы не ему.

Прощальное напутствие водителя было неоднозначным: мол, нам следует быть осторожными на предмет пастушьих собак в горах, правда, они все вдоль какой-то одной дороги, а где эта дорога — долго объяснять. Полина провела мне краткий ликбез насчёт того, что собаки эти абсолютно беспринципны и что при их весе это будет наша проблема.

Энтузиазма поубавилось; вперёд мы стали продвигаться осторожно и при поддержке монокуляра. Конечно, вокруг было на что посмотреть и кроме собак: впереди замаячили снежники, наш склон долины был весь уставлен свечками асфоделин — в Крыму такого их изобилия мы не встречали. Запах душицы, мяты и тимьяна в разных пропорциях ощущался повсюду. В местах, где снег сошёл

недавно, вовсю цвели примулы и разные эфемероиды: сциллы, пушкинии, гусиный лук.

...Окончательно мы успокоились, лишь встретив пару обживающих и ремонтирующих после зимы летник мужиков. Они сказали, что стада пока что внизу, а значит, собаки тоже. Мы веселее пошли дальше, местами дивясь мастерству вождения наших информаторов, которые приехали на буханке с той стороны перевала, преодолевая порой внушительного размера завалы из лежащих поперёк дороги снежников. Где-то неподалёку должна была быть и щучка, но её цветением тут, конечно, и не пахло. Сорвали пару травинок с похожими на неё листьями — почти наудачу.

Вот и перевал. Сразу после нормальной радости от вида обширного пространства за хребтом приходит ощущение контраста двух сторон. Открывшийся нам южный склон Памбакского хребта оттаял раньше, и коровы успели здесь хорошенько порезвиться. Он, видимо, и в целом более выпасаемый — повсюду коровьи тропки, вся трава как будто подстрижена газонокосилкой, нигде ни кустика. Какая уж тут цветущая щучка! Но это не единственная и совсем не главная проблема, поскольку в обозримом будущем нам надо становиться на ночлег, а делать это без мало-мальски приличных дров — это ненужное выживальщичество. Пройдя туда-сюда и прикинув, что к чему, поняли, что надо идти к сосновым посадкам за деревней Чобанмаз, которые виднелись с перевала за несколько километров.

По пути выяснилось, что проблемы могут возникнуть и с водой: все ручейки и родники на нашем пути оказались либо пересохшими, либо изгаженными коровами до непригодного состояния. Мою неприглядную идею напрашиваться переночевать в деревне Полина отвергла, и это был верный ход — на скрытой от деревень опушке посадок, куда мы дошли в сумерках где-то в полдевятого, нас ждал родник, хотя на карте там был просто тальвег (координаты: N 40,70840°; E 44,28773°). Труба с прекрасной водой была оборудована длинной корытообразной поилкой для коров, где мы с радостью смыли с ног дорожную пыль. Сосновые дрова имелись в избытке, но мы ими не увлекались по соображениям пожарной безопасности. Тем не менее, костра вполне хватало, чтобы в тепле наблюдать постепенно набирающие силу звёзды, особенно яркие в горных странах.

Арагац (30–31 мая)

Мы уже не в горной долине, и солнце пришло в 7:30; мы собрались и ушли до первых коров. Наша следующая цель лежит в долине реки Гехарот, стекающей с восточного склона известной горы Арагац.

Выйдя в Алагяз, быстро нашли в маршрутку, но триумф был недолгим: нас высадили почти на следующем же перекрёстке, кажется, подумав, что нам дальше нужно на запад, к туристическому заходу на гору. Постояв ещё немного у дороги и поглядев, как тётушки на обочине продают мешки какого-то пряного зонтичного растения, сели к следующему бенефактору, на этот раз удачно. Это был настоящий железный человек, уже вторые сутки держащий путь в свою

деревню с московских заработков. За его рассказом про родные места и горячие источники, которые мы обязательно должны посетить, скоротали путь до Шенавана; здесь уже нужно было поворачивать в горы и ехать до деревни Арагац.

Здесь нашим транспортом стал пустой школьный автобус, подобравший по пути пару ребятишек с народными инструментами. Русского языка они не знали, зато продемонстрировали нам своё исполнительское мастерство, сыграв пару мелодий на дудуке под аккомпанемент барабана-дхола. В Арагаце мы все вышли, по-видимому, у здания школы искусств; школьники ещё некоторое время кричали нам вслед прощальные напутствия. Мы пошли дальше, отметив размах процесса заготовки кизяков во дворах (дров-то здесь, кроме кустов да редких сосновых посадок, нет). Вроде бы всё и так было хорошо, но встретившийся нам мужик, готовившийся ехать на УАЗике наверх, пригласил нас прокатиться, и ещё несколько километров мы любовались хребтом Цахкуняц и горой Араилер, едучи в кузове машины.

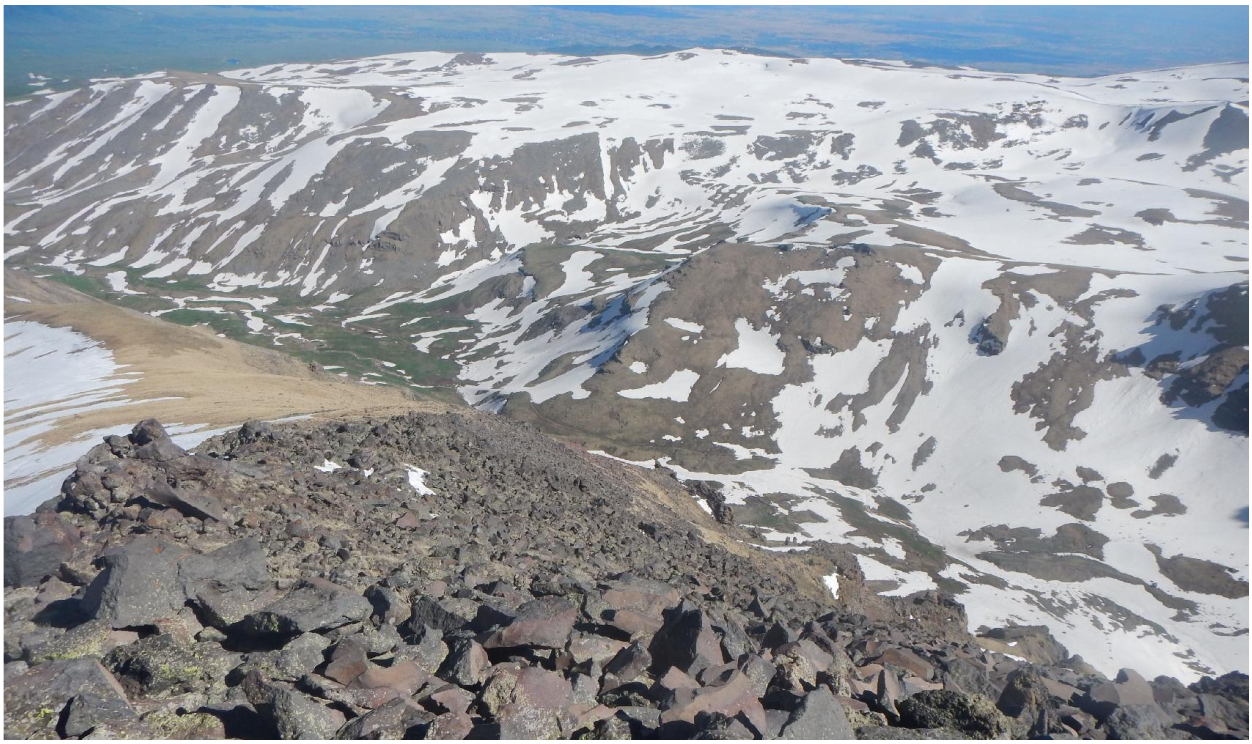
Щучку, хоть и непредставительную, мы нашли быстро — она робко пряталась среди травостоя у самого русла реки и только начинала цвести. Я, как мог, пригнул её соседей, обустроив таким образом сцену для фотосессии. Время ещё даже не обеденное, так что мы пошли наверх искать место предполагаемого ночлега, чтобы дальше гулять без больших рюкзаков; дрова наличествовали в виде растущих тут и там кустов — небогато, но на одну ночёвку вполне приемлемо.

Луга первоцветов у подножья Арагаца

К обеду мы поднялись к строению размером с небольшой коровник, на поверку оказавшемуся гидроэлектростанцией. Охранники выглянули, только когда я уже успел побродить вокруг силовых установок и заглянуть внутрь. Мы поняли, что палатку поставим где-то неподалёку — дальше хорошие кусты кончались. Станция — объект стратегический, так что пристроить рюкзаки там охранник не

разрешил: «Нэ можно!» Тогда спрятали их в зарослях бутня и устроились обедать у ручейка. Но вот беда: серьёзной еды мы в Алагязе докупили, а вот наскоро перекусить совершенно нечем! Едва ли бы мы додумались вернуться и спросить хлеба у охранников станции, если бы не подначивали друг друга, но в итоге я это сделал. «Нэ взяли, да?» — и вот охранник достаёт мне из морозилки отличный лаваш.

Пока мы шли по долине, моё внимание приковывал ближний к нам отрог Арагаца. Он был в снегу не полностью! Как раз по гребню протаял небольшой коридорчик, по которому можно было бы подняться на невиданные доселе высоты — гора-то в четыре тысячи метров! Когда я предложил такой вариант послеобеденной прогулки, то был незамедлительно объявлен экстремалом, но на гору мы почему-то всё-таки пошли. Виды сверху открывались потрясающие; далеко на юге парил в небе Арарат. На соседних с нашим отрогом пологих склонах снег лежал сплошным покровом, вообще же отдельные его пятна с этой стороны начинались где-то с 2300 метров. Это ниже, чем норма для этого времени — хоть и тепло, но зима была снежной.



Вид с каменных завалов под Арагацем

До самого верха решили всё-таки не идти — после 3650 метров преодоление каменных завалов стало опасным занятием. (Позже мы узнали, что с восточного склона Арагац любят покорять настоящие альпинисты.) Зато к ужину как раз спустились. Дрова дались нам непросто — на выбор имелись либо колючие розы, либо редкие сырые ивы — но в итоге мы наковыряли внушительную кучу, которая покрыла наши нужды на вечер и утро. Где ещё мы будем жечь розовые костры?

Наутро своим путём пошли в деревню. Нас удачно подобрали полицейские, возвращавшиеся с осмотра электростанции. Старший из них по дороге развлекал нас беседой о деревне и о погоде и, выходя внизу из машины, велел водителю довезти нас за десять километров по шоссе до Апарана, через который лежал наш дальнейший путь.

Памбакский хребет (31 мая–2 июня)

Чтобы больше не было «нэ взяли», разыскали в Апаране магазин. Наверное, где-то там был и настоящий кавказский рынок, но явно не на нашем пути. Продавщицы было две, и почему-то со мной общалась исключительно та из них, которая не знала ни слова по-русски. Вторая стояла поодаль и явно веселилась, глядя на нас. К счастью, мне в основном были нужны совершенно интернациональные вещи, которые в армянском языке называются так же, как и в русском: тушёнка, чай, халва.

Мы снова идём на Памбакский хребет, но теперь в двадцати километрах к юго-востоку от Спитакского перевала — так мы выйдем и к новой щучке, и к чернике. У Лусагюха нас посадил к себе мужик, пообещавший подвезти в горы, «пока машина едет». Рассказал про расставленные по всем деревням монументы: большая их часть возведена в память о геноциде армян, учинённом турками сто лет назад.

Совсем другие горы (наверное, сюда просто не добрались коровы)

Вскоре машина остановилась у крутого подъёма, и мы, поблагодарив водителя, продолжили пешую прогулку. Здесь совсем другие горы! Видимо, для

выпаса у них слишком крутые склоны, так что на них сохранился настоящий лес вроде крымского — невысокие дубки, деревца из розоцветных. Внизу по камням шумит речка, за спиной стоит Арагац, про который уже сейчас сложно поверить, что мы были почти на его вершине. Под ногами на дороге лежат куски блестящего вулканического стекла — обсидиана, равномерно чёрные или с красными прожилками.

Грунтовая дорога постепенно поднимается; вскоре мы вышли из долинного леса и попали в пояс альпийских лугов. Видимо, май-июнь — самое удачное время для их посещения: луга всё время радовали нас массовым цветением разных растений. На каждом холмике, в каждой западине — свой цвет: жёлтый, голубой, фиолетовый, розовый... Обеденная порция чая кое-как закипает на малиновых веточках.

Начало лета – самое удачное время для посещения альпийских лугов

Конечно, скот здесь уже пасут. Мы проходили мимо внушительного стада овец, рядом с которым в спальнике дремал пастух. Иногда попадались пастушьи заначки: банка сгущёнки под камнем, пачка сигарет в консервной банке.

Через Цахкуняц — отрог Памбакского хребта — перевалили в двух километрах к юго-востоку от горы Дамлакгедук. Щучка в изобилии росла прямо вдоль дороги; за научную составляющую можно было не волноваться. Главная задача, которую предстояло решить — выбор места для лагеря на ближайшую пару дней: с одной стороны, Анкаван, став курортным местом, разросся, и близко к нему подходить не стоило, с другой стороны, известные сборы черники были сделаны как раз за долиной реки Мармарик, она же Мисхана, на которой Анкаван и стоит.

Выбор пал на речку Оджаглере. Ровного места у воды мы не нашли, но по склону стекали подходящего калибра ручьи, и палатка прилично встала в верхней части облесённого склона. Мы впервые становимся лагерем задолго до заката, так что у нас остаётся запас светлого времени для вечерних развлечений. В долине рос сырой березняк, который позволил, наконец, разжечь большой костёр без опасности устроить пожар. Ближе к руслу на крутом склоне нашлись заросли черемши, конечно, перезрелой, но всё ещё съедобной. Пожарив её с тушёнкой (почему армяне со всеми своими коровами не могут положить ни в одну тушёнку хорошую говядину?) и соорудив в дополнение салат из росшего по ручью сердечника со свежей черемшой, устроили праздничный ужин в честь про́водов мая и дня рождения Чумички, отбывающей сейчас трудовую повинность на летней практике в Звенигороде.

Компромиссное положение нашего лагеря давало о себе знать: засыпая, мы слышали перебранку собак из дворов расползшегося по двум долинам Анкавана.

Мы на фоне Арагаца (сложно поверить, но вчера мы были почти на его вершине)

Следующий день целиком был посвящён прогулке налегке. В базу данных по биоразнообразию GBIF занесена точка с черникой, расположенная близ седловины 3006, что почти на самом Памбакском хребте, к северу от горы Халхалы. От нас 7 километров — самое то для необременительной прогулки по горам. Черника — наиболее вероятный объект моей будущей дипломной работы.

Трудности начались уже с устья нашей речки, с первым летником, которых в этих краях оказалось много, и каждый — с парочкой огромных пастушьих собак-алабаев. Я верил, что, пока хозяева близко, они нам ничего откусить не захотят, но во избежание недоразумений следовал за Полиной, методично обходившей каждый летник, который мы замечали издали в монокуляр, и ругавшейся, что Армения в её глазах совершенно себя дискредитировала, и что я, «такой смелый», не бегу скорее в объятия этих адских тварей. Справедливости ради следует отметить, что обход летников в итоге не так уж и сильно удлинил нам путь, и ввиду скромности запланированного маршрута это было совсем не критично.

Двуногие обитатели летников тоже доставило нам некоторое беспокойство: уже залезая на хребтик недалеко от Халхалы, мы услышали, как сзади нас как будто кто-то окликает, и разглядели вдали спешащего в нашу сторону парня. Однако посередине пути он остановился и пошёл назад. Наверное, его целью был всё-таки расположенный как раз где-то там родник, но дальше мы тем не менее шли тихо и с противоположной стороны хребта. Нас скрывал и лёгкий дождик — погода стала портиться.

В цирке, где была отмечена черника, она стала сразу пятнами появляться под ногами в большом количестве. Почему она выросла именно здесь, и мы совершенно не встречали её в горах до этого? Наверное, дело в удачном расположении и размере долины — она и на северо-восток смотрит, и снега в ней до сих пор немало. Не отходя от кассы, нашли и щучку — в снежном местообитании она вырастила короткие листья, став совсем не похожей на свою родственницу из долин ручьёв.

Собрав материал с десяти клонов-пятен черники, с чистой совестью легли на обратный курс. Стали выходить к дороге, идущей вдоль ручья Узукчай; черника долго сопровождала нас на пути вниз. Уже у самой дороги мы провели пару минут, сидя в долине на кочках, пока сверху нас обходило стадо овец, а ниже по долине паслось несколько коров.

Уже на финишной прямой, на берегу Узукчая, почти в виду устья нашей долины, нас настиг последний летник. Деваться было особо некуда, так что пообщаться с собаками всё-таки пришлось. Мне это напомнило бывшие некогда довольно регулярными нотации от учителей — тебе что-то лают, а ты тихонько и слегка виновато смотришь в пол, разводя руками. Как и следовало ожидать, быстро подоспел хозяин, распинавший алабаев и шавку-заводилу, представившийся Арсеном и ставший усиленно приглашать нас на кофе-мофе. За недолгую беседу он успел попросить у меня в подарок мой монокуляр (впрочем, отказу не удивился), восхититься тем, «как долго мы гуляли», посмотреть «растения-мастения», которые у меня были в пакете под рукой. Под конец, когда мы бодрым шагом стали покидать опасную зону, он всё спрашивал нас, придём ли мы сюда ещё. Кажется, Полина пока таких планов не вынашивает...

Наутро мы спустились в Анкаван, найдя при этом ещё одну популяцию черники прямо в верхней части южного борта долины Оджаглере. Машины не было довольно долго; пока ждали, успели разглядеть практичную манеру местных обустраивать кладбища — если из супружеской четы один человек ещё здравствовал, то для него всё равно уже стояло надгробие рядом с обретшим покой спутником жизни, просто без указания даты смерти.

Я уже откровенно дремал, сидя на рюкзаке и прислонившись к кладбищенской ограде, когда на Полинину руку всё-таки откликнулся водитель. Это был довольно интеллигентного вида пожилой армянин, владеющий в этих местах недвижимостью и сдающий её в туристический сезон. В пути он между делом демонстрировал знание французского, просвещал нас по поводу Мармарикского водохранилища, которое появилось после выхода карт Генштаба

и потому явившееся для нас сюрпризом. Интеллигентность отказала ему только в вопросе семейственности — нас с Полиной он упорно хотел поженить.

Так, за скромную сумму в 2000 драм (чуть меньше трёхсот рублей), отданную за бензин, мы попали из Анкавана на шоссе Ереван—Севан, откуда наше путешествие продолжилось в иные земли.

Севан и окрестности (2–3 июня)

Мы спустились на добрых полкилометра, и это чувствуется — становится жарковато. Наверное, виной этому начинающееся лето и переменчивая погода. Заночевать мы хотим на берегу Севана, а до тех пор есть ещё временной ресурс для прогулки. На юго-востоке как раз заманчиво возвышаются стоящие посреди плоскогорья округлые вершины потухших вулканчиков Лчасар; их мы и выбрали. В качестве магазина ничего лучше придорожной забегаловки не нашлось, однако взятый там на пробу кебаб превзошёл все гурманские ожидания и замечательно подкрепил нас перед променадом.

Лимитирующим наше благоденствие фактором чуть не стала вода, но, благо яркое солнце стали то и дело скрывать набегающие тучки, мы вполне удовольствовались оставшимися у нас запасами. Над Памбакским хребтом встала сплошная облачность — удачно мы переместились! В пути через покрытые полями пространства плоскогорья встретили тётушек, собиравших очередную траву из зонтичных, вроде той, что продавалась вдоль шоссе у Арагаца. Они объяснили нам, что используют его в маринадах.

Осмотрев окрестности с четырёхсотметровой высоты, двинулись в обратный путь к шоссе, увы, не поймав ни одной машины из тех, что разъезжали тут и там среди полей. Автостоп пошёл бодро, и к раннему вечеру мы были у легендарного армянского озера. Запасы провизии пополняли в магазинчиках у заправок, которые приятно удивляли ассортиментом: кроме привычных космополитичных сникерсов, там встречались и местные товары полуподвального разлива. Гата с мацуном, заедаемая бутилированной окрошкой (sic!), скрасила наш вечер. Вместо сгущёнки в одном из вагончиков-киосков нашёлся сахар, который мне просто отсыпали в пакетик.

Номинально берега Севана заняты обширными охраняемыми природными территориями, но, направившись на песчаные отмели близ деревни Норашен и увидев там мужика, невозмутимо проводящего через дырку в заборе коров, мы ничуть не удивились. Предстоящая ночь — с воскресенья на понедельник, и народу в кемпинге немного: об укромном месте речь не шла, но дискомфорта мы не испытывали. Видимо, ещё не самый сезон. В шаговой доступности было хорошее бетонированное место для купания, чем Полина воспользовалась гораздо умнее, чем я, решивший лавировать среди бутылок с другой стороны косы. Сухие сосны вокруг кемпинга аккуратно подчищены туристами, но для заготовки облепиховых дров у них явно кишка тонка. Ужин на колючих ветках толщиной в пару пальцев занимает достойное место в накопившемся за поездку

списке из розового костра на Арагаце и малинового обеденного огонька на Цахкуняце.

Вечером на берегах озера зажигаются огни. Восточный берег выглядит самым безжизненным — только там они не образуют сплошной линии. Это опасная территория: близко проходит граница с Азербайджаном, и, несмотря на живописные горы, отправиться туда желания не возникает.

Берег Севана

У Полины возникла вполне разделённая мной идея, раз уж мы оказались в этом знаковом месте, собрать силикагельные образцы водных растений — уже для нашей лаборатории. Что мы и исполнили с блеском в утренние часы. Улов в заросших тростником илистых заводях Севана богатый: пузырчатки, шелковники, роголистник, рдесты, штукения. Увлёкшись, я превратил сбор материала в полноценное купание; тем временем Полина на берегу закладывала добычу в гербарий, чтобы растения не варились в собственном соку весь день. В дополнение к добыче я набрал ещё и “утячьих паразитов” — неопасных, но неприятных шистосом, часто живущих в илистом дне водоёмов, облюбованных утками, особенно на юге. Они омрачали мне жизнь следующую пару часов, зудя под кожей на ногах.

Мы проехали немного стопом на север и вышли в районе Семёновки, где на кончике Памбакского хребта в GBIF стояла ещё одна точка на щучку. Кинув рюкзаки под деревом в долине стекавшего к шоссе ручья, отправились налегке

наверх. Здесь тоже сплошные луга; щучка, хоть и не цветущая, повсюду, а черники нет — всё-таки тут низковато. Стоило нам подняться на гору Яглыташ и пойти на запад по хребту, как сгустились тучи, и пошёл вполне неиллюзорный дождь — а мы, естественно, без плащей. На наше счастье, минут через двадцать нам попался едущий вниз, в Цовагюх, грузовичок, эвакуировавший собиравших «диабетную траву» тёток. «Ара, ара, подвезём!» — и мы, благодаря наших избавителей, полезли в кузов. Разбитные тётки всю дорогу перешучивались и, хохоча, сверкали золотыми зубами; нам они объяснили, что все они (человек шесть их было) — родные сёстры.

Невиданных нами доселе в Армении размеров супермаркет Цовагюха, в котором нас высадили, хоть и был в основном показушно-туристическим, всё-таки предоставил нам немного молочных специалитетов. Дождь перерос в ливень, и мы, мрачно жуя в чистеньком кафе свежеиспечённый лаваш, пережидали. Как там наш гербарий?..

Едва дождь кончился, мы снова вышли на дорогу; в силу закона непредсказуемости доброты первым остановился сердобольный водитель огромного лексуса. Вскоре мы воссоединились с рюкзаками; оказывается, Полина, идя на экскурсию, по старой армейской привычке на автомате прикрыла гербарий понадёжнее, так что ничто не пострадало.

Дилижан (3–5 июня)

За оставшееся послеобеденное время нам предстояло переместиться к просторам наших следующих увеселительных прогулок — Иджеванскому хребту в районе Дилижана. В дороге мы сменили несколько единиц транспорта, перемежая автостоп с такси. Нам хорошо подходила дорога до Агарцина, на которой в вечернее время, увы, машин было совсем немного. Нам повезло — заметившие нас лесники на “козле” заложили круг, чтобы подобрать нас, и забросили в самую удачную, по всеобщему мнению, долинку, за пару километров до известного монастыря Агарцин, которым дорога кончалась.

Совсем другие пейзажи! От Севана шоссе шло вниз, и с первым же водителем мы въехали в зону густых буковых лесов, растущих в живописных скалистых долинах. Ходить (по дорогам, ха) среди таких лесов — одно удовольствие. На наше счастье, в верхней части долинки, где мы решили разбить лагерь, было несколько проходимых, но не торных лесовозных дорог, и после недолгих раздумий мы оказались в тенистом закутке на слиянии двух ручейков. Совершенно незаметное с дороги, уютное и живописное место. Палатку, конечно, ровно поставить опять не получилось — такая уж у меня в эту поездку планида — зато тентик повис очень по-домашнему.

На следующий день отправились на хребет; первая часть подъёма шла всё по тем же буковым лесам, особенно отрадным после бесконечных лугов. Везде текут ручьи, везде тень — хорошо! С 1800–1900 метров снова пошли луга, и мы снова стали огибать летники, правда, они здесь стояли гораздо реже из-за более изрезанного рельефа. Обойдя гору Иджеван с юго-запада, отдохнув в тени

скалистой вершины горы Кушдаган, отправились на высоту 2394. Встретив по пути истоки ручья, я решил, что в обозримом будущем другая вода нам вряд ли попадётся, и мы встали на обед там. Идея была средней удачности: дров было немного, так что кипяток мы вымучивали долго и не гнушаясь никакими средствами вроде зонтичных сухостоин. Зато два самых жарких часа мы провели в относительной тени, которую давала скала с родником.

Стоило нам подняться на хребет, как тут и там стали появляться кустики черники, всегда строго на склонах, обращённых на север. Эта не отмеченная в GBIF популяция — приятная неожиданность. (Щучка уже давно едет в Полинином вещмешке, её здесь, как и в предыдущих местах, много.) Чтобы не потерять возможность в любой момент спуститься вниз, мы пошли на юг, обходя высокий скалистый обрыв куэсты снизу. Здесь идёт дорога, соответствующая отмеченной на карте Генштаба в целом, но расходящаяся в деталях, так что нам приходится её внимательно высматривать. Я остро переживал расставание с фотоаппаратом, который внезапно разрядился в Севане, недоработав с треть ожидаемого срока.

Когда мы, уже к раннему вечеру, выходили на траверс горы Агарцин, в горах стали сгущаться тучи. «Козёл», которого мы разглядели на лужайке под нами, скрылся до того, как мы успели даже подумать о том, чтобы на нём подъехать до монастыря. К тому моменту, когда дождь набрал обороты, мы успели спуститься по дороге до леса, и слава богу — вскоре пошёл град. Такого размера ледышки с неба я видел впервые в жизни! Отдельные экземпляры уверенно превышали сантиметр в диаметре. В этот раз мы не были столь наивны, как вчера, и наши макушки защищали плотные капюшоны плащей ОЗК. Дороги немного развезло, и даже в Армении пришлось пожалеть о том, что взял короткие сапоги вместо болотников, правда, всего один раз.

Непогода не помешала нам по пути домой осмотреть монастырь Агарцин, дружелюбный к путникам в любую погоду из-за положенных на его территории каменных мостовых. В лагере, который и так не особенно заливало из-за крон деревьев, под тентом образовалось уютное место, в котором можно было сидеть в сухости и, например, есть.

Вся работа у нас выполнена, целевые показатели достигнуты, так что последний полный день в Армении мы посвящаем прогулке со сниженной научной ценностью. Конечно, всё равно есть идея сначала прийти на некоторое озеро Парз, что по другую сторону долины с шоссе — направление на озеро украшает любую прогулку.

До озера от шоссе километров пять, и мы быстро добрались дотуда на такси, одним махом решив неопределённость с гипотетическими сидящими вдоль дороги злыми невоспитанными собаками. На озере же нечего было делать ни с ботанической точки зрения, ни с созерцательной: вокруг туристическая инфраструктура, внутри ни былинки.

С нами завязал беседу трусивший мимо немного измученный иностранец-трейлраннер, покорявший Transcaucasian trail. (Он явно истосковался по английской речи.) Туристическая тропа — это хорошо! Неудивительно, что мы не слышали о ней — дилижанский участок был оборудован только в 2017 году. Трек

тропы, как выяснилось позже, есть на её сайте, и по карте можно оценить размах и потенциальную красоту пейзажей, которые с неё открываются. Она проходит и совсем недалеко от нашего лагеря, часть пути идёт по Иджеванскому хребту.

Мы отыскали метки (основной маршрут проходит чуть южнее озера, но путь от озера тоже маркирован) и некоторое время шли по ним; тропа использовала лесовозные дороги и шла по лесу. Вскоре, правда, захотели соскочить — метки уходили вниз, а у нас было ещё достаточно времени на то, чтобы залезть на гору Чабаноглы.

Буквально километр-другой пути по горному лугу в полдень, но жара уже даёт о себе знать. На расположенный на вершине пункт триангуляции прекрасно лёг плащ, превративший его в небольшую треугольную беседку, из которой можно было любоваться окрестностями, не превращаясь при этом в расплавленную лужицу. Видно места нашей давешней боевой славы, деревню Гош с одноимённым монастырём, в которую мы сегодня собирались наведаться.

Пообедав и освежившись в ручье, пришли в Гош. Место популярно среди туристов; особенно позабавили девицы, фотографировавшиеся в соблазнительных позах на фоне монастыря. На веселье прилетел из леса огромный бражник, неживший на солнце на древних камнях. Мы разжились таном с гатой и тоже неплохо проводили время.

До «домашнего» поворота на Агарцин нас опять довёз школьный автобус. На этот раз минивэн был полон детей, которые выходили у своих домов на всём пути из Гоша; время от времени подсаживались случайные пешеходы вроде нас. Воистину, Армения — рай для автостопщика; наверное, виной всему то, что автомобиль тут может себе позволить далеко не каждый.

В Техуте нашёлся наиболее аутентичный продуктовый магазин, откуда мы удовлетворённо уволокли к себе наверх банку мацуна. По дороге в гору в этот раз нас подвёз раритетный транспорт — насколько я могу судить, это был любовно сохранённый хозяином ГАЗ-69. Впервые вечер без особых занятий: образцов-то мы за сегодня почти не собрали.

Гюмри и путь к нему (6 июня)

День отъезда встречает нас безупречной погодой. Проходя мимо магазина, оставляю на крыльце тару из-под мацуна. Нам предстоит длинный путь — до Гюмри отсюда добрая сотня километров.

В Дилижане попали на совсем уж неудачное место для автостопа — перекрёсток двух шоссе — и уехать смогли только на рейсовом автобусе до Ванадзора, и то не на первом. Пересаживаясь в Ванадзоре, прятались от жары под козырьки киосков. Вот и лето настало! Сейчас покорять Спитакский перевал было бы уже совсем не так приятно.

Под бодрые армянские поп-напевы проехав знакомый нам спитакский участок трассы, к обеденному времени приехали в Гюмри, имея полдня до отъезда в аэропорт. Старой архитектуры в центре почти не осталось из-за Спитакского землетрясения, в память об этой трагедии перед отстроенными

заново церквями лежат неубранные обломки башен. Город спешно готовится к туристическому сезону — повсюду кладут тротуарную плитку, работает техника. Приятные глазу городские пейзажи при движении от центральной площади кончаются быстро, но на улочках много одноэтажных жилых домов из чёрного вулканического камня, очевидно, переживших землетрясение. Должно быть, скоро гулять здесь станет приятнее.

Что в городе точно достойно внимания путника, так это рынок. Поскольку туристический лоск ещё не совсем захватил Гюмри, он по-прежнему сохраняет функцию источника еды для населения, и там можно дёшево купить местные разносолы. Следя за соблюдением гигиенических норм, как и подобает делать в южных странах, съели купленный за 50 рублей килограмм шелковницы, набрали гостинцев. Возник соблазн взять суджук на всю якутскую экспедицию, но я был благоразумен, да и валюта кончалась. Хотя, встретив магазин с маринадами, мы не удержались и обменяли ещё чуть-чуть. Тот самый бутень, варенье из грецкого ореха...

Вторая половина дня опять вышла дождливой. Как нам повезло: все горные похождения пришлись на ясные дни!

В аэропорт приехали уже в сгущающихся сумерках. С нами ожидал посадки импозантный моряцкого вида мужик, раскачивающейся походкой патрулировавший тесный зал ожидания. Поспорив со мной о его профессии, Полина затеяла с ним разговор — и он действительно оказался моряком! Немного шамкая беззубым ртом, поделился с ней отдельными эпизодами своей богатой биографии. В самолёте скупой на перекусы «Победы» мы досаждали своим соседям, ходя друг к другу для культурного обмена едой и обсуждая, подчас шумно, отдельные моменты удачно проведённого выезда. А обсудить было что!